

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

БРЯНЦЕВ Иван Иванович, кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина, адрес: 410012, Россия, г. Саратов, ул. Московская, д. 164, e-mail: iibry@yandex.ru

Аннотация. Целью статьи является анализ специфики реализации модели коммуникационного взаимодействия власти и общества, обеспечивающей действенную обратную связь и позволяющей разрабатывать компромиссные решения, способные мобилизовать общество на решение принимаемых властью политических задач.

В качестве основных факторов, определяющих реализуемую на практике модель взаимодействия, рассматривается значение ценностных оснований, определяющих коммуникативную культуру диалога власти и общества, и технологий взаимодействия, формирующих новые способы освоения реальности. Технологию и коммуникативную культуру предлагается рассматривать как взаимодополняющие элементы, которые, находясь во взаимодействии, определяют характер и направление этого взаимодействия в виде нейтрального, регрессивного или прогрессивного типа с точки зрения эффекта от взаимодействия между государственными органами и институтами гражданского общества в современных условиях цифровой трансформации государственно-общественных отношений.

Отмечается, что тип взаимодействия во многом будет зависеть от совпадения целеполагания субъектов взаимодействия: для чего эти технологии взаимодействия создаются и какие ценностные основания закладываются в основу формируемой коммуникативной культуры их использования.

Автором показано, что конструктивная модель взаимодействия власти и общества, способствующая прогрессивному развитию государственно-общественных отношений, реализуется при условии совпадения целеполагания разрабатываемых и внедряемых технологий и содержания культуры коммуникации, обусловленных общими ценностями органов власти и общества. При этом технологические, культурные и целевые факторы позволяют рассмотреть коммуникационные процессы между органами власти и гражданским обществом в их системной взаимосвязи как целостного управленческого организма.

Ключевые слова: цифровые технологии, власть, институты гражданского общества, коммуникация.

Цит.: Брянецев И.И. Влияние культурно-технологических факторов на формирование модели взаимодействия власти и общества в условиях цифровизации // Среднерусский вестник общественных наук. – 2023. – Том 18. – № 2. – С. 29–48.

INFLUENCE OF CULTURAL AND TECHNOLOGICAL FACTORS ON THE FORMATION OF THE INTERACTION MODEL OF THE AUTHORITIES AND SOCIETY IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION

BRYANTSEV I. I., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of RANEPA (Russian Federation, Saratov), e-mail: iibry@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the specifics of the implementation of the model of communication interaction between the authorities and society, which provides effective feedback and allows developing compromise solutions that can mobilize society to solve the political tasks adopted by the authorities.

As the main factors that determine the model of interaction implemented in practice, the value of the valuable bases that determine the communicative culture of the dialogue between the authorities and society, and the interaction technologies that form new ways of mastering reality is considered. Technology and communicative culture are proposed to be considered as complementary elements that, being in interaction, determine the nature and direction of this interaction in the form of a neutral, regressive or progressive type in terms of the effect of interaction between government bodies and civil society institutions in modern conditions of digital transformation of the state-public relations.

It is noted that the type of interaction will largely depend on the coincidence of the goal-setting of the subjects of interaction: why these interaction technologies are created and what value bases are laid in the basis of the formed communicative culture of their use.

The author shows that a constructive model of interaction between the authorities and society, which contributes to the progressive development of state-public relations, is realized under the condition that the goal-setting of the developed and implemented technologies and the content of the communication culture, determined by the common values of the authorities and society, coincide. At the same time, technological, cultural and target factors make it possible to consider communication processes between authorities and civil society in their systemic relationship as an integral management organism.

Keywords: digital technologies, power, civil society institutions, communication.

For citations: Bryantsev, I.I. (2023) Influence of cultural and technological factors on the formation of the interaction model of the authorities and society in conditions of digitalization // Central Russian Journal of Social Sciences. – Volume 18, Issue 2. – P.29-48.

ВВЕДЕНИЕ

Разработка эффективных моделей взаимодействия органов публичной власти и общества по широкому спектру вопросов в сфере реализуемой властью политики и управления занимает важное место и является актуальным междисциплинарным, исследовательским направлением, имеющим как теоретический, так и значимый прикладной аспект. Качество политико-управленческого процесса выступает важным конкурентным преимуществом государства в системе межгосударственных коммуникаций, а также ключевым фактором стабильности внутри государства. Поддержание политической стабильности как критерия качества политических отношений обуславливает необходимость поиска и принятия политических решений, основанных на балансе интересов государства и общества.

Проблема поиска сбалансированного решения заключается в том, что общество неоднородно по своему составу и обозначаемые приоритеты различных социальных групп порой могут быть диаметрально противоположными. В пространстве политического взаимодействия неоднородность проявляется через различные характеристики и в первую очередь через ценностные установки, формирующие соответствующее коллективное сознание и культуры. Понятие «культура» применительно к анализу специфики взаимодействия в системе государственно-общественных отношений в политологии рассматривается через понятия «гражданская культура» и «политическая культура» как способ справляться с социальными изменениями, понимать общественно значимые задачи и принимать активное участие в их решении. Как отмечают Г. Алмонд и С. Верба, функционирование демократического государства предлагает гражданину возможность участвовать в процессе принятия политических решений, а развитие технологии и научно-технический прогресс становятся глобальным фактором влияния, трансформирующим традиционные общества и культуры [1, с. 21]. Следует отметить, что необходимым атрибутом для воплощения этой возможности будет выступать технология её осуществления и целеполагание субъектов взаимодействия.

В связи с этим особенно актуальными становятся задачи практической реализации моделей коммуникационного взаимодействия власти и общества, обеспечивающие действенную обратную связь и позволяющие разрабатывать компромиссные решения, способные мобилизовать общество на решение принимаемых властью политических задач. В политической системе Российской Федерации, находящейся в условиях своего становления и развития, в конфигурации

взаимоотношений власти и общества в объективно доминирующем положении находится политическая власть, в чьих полномочиях – принятие основных норм и правил, формирующих систему государственно-общественных отношений, а также возможности для участия граждан и институтов гражданского общества в политическом процессе в целом и в выработке политических и управленческих решений в частности [2].

Более того, сами институты гражданского общества в современных государствах и их развитие можно рассматривать как часть политического проекта, создаваемого и реализуемого политической властью. В частности, в Российской Федерации основные инициативы по формированию институтов гражданского общества и формирование механизмов взаимодействия исходили от политической власти и оперативно институализировались через принятие соответствующих нормативно-правовых актов. К наиболее значимым политическим проектам можно отнести Общественную палату Российской Федерации, сеть общественных палат в субъектах РФ, закрепление этих форм развития институтов гражданского общества и механизмов взаимодействия с властью регламентируется как федеральными, так и региональными законами, в качестве ключевых можно обозначить ФЗ «Об Общественной палате РФ», ФЗ «Об общих принципах организации ОП в субъектах РФ», ФЗ «Об основах общественного контроля в РФ».

К нормативно-правовым актам, определяющим формы и характер финансовой и организационной поддержки, можно отнести Постановление Правительства РФ от 27.05.2021 № 811 (ред. от 11.12.2021) «Об утверждении Правил предоставления грантов в форме субсидий из федерального бюджета некоммерческим организациям, в том числе молодежным и детским общественным объединениям (за исключением казенных учреждений), на реализацию мероприятий по сохранению исторической памяти и гражданскому воспитанию и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации».

По инициативе политической власти, транслирующиеся через ставшие традиционными коммуникационные формы взаимодействия, такие как прямая линия Президента РФ, Послание Президента РФ, регулярные встречи Президента РФ с различными целевыми аудиториями в рамках различных форумов. Инициированы и реализуются, меры, направленные на обеспечение негосударственным организациям, осуществляющим деятельность в социальной сфере, доступа к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг

населению: при планировании бюджетных ассигнований на предоставление субсидий СОНКО [3]. В первую очередь предусматриваются бюджетные ассигнования на предоставление субсидий СОНКО в целях реализации ими видов деятельности, в соответствии с пунктом 1 статьи 31.1 Федерального закона № 7-ФЗ. Также на основании этого закона оказывается информационная поддержка деятельности НКО.

Модели взаимодействия структур гражданского общества

Специфика взаимодействия органов власти и институтов гражданского общества в России начиная с 90-х годов и по настоящее время привлекала к себе широкий круг исследователей, которые выявляли и обосновывали различные модели этого взаимодействия.

Достаточно полно анализ этих моделей представлен в коллективной монографии, в подготовке которой принимал участие автор в рамках реализации межрегионального проекта, поддержанного грантом РГНФ/РФФИ, вышедшей под редакцией А. Сунгурова, в которой отражены результаты исследования форм и практик взаимодействия и сотрудничества власти, экспертов и гражданских организаций [4].

Итогом развития практик и моделей взаимодействия как на федеральном, так и на региональном уровне стала достаточно полная и проработанная правовая база, формирующая институциональную среду коммуникационного взаимодействия власти и общества, в направлении повышения роли механизмов, обеспечивающих снижение различных конфронтационных издержек и политических рисков и тем самым формирующих стабильность системы политического управления [5]. Происходит усиление возможностей, в первую очередь ключевых политических институтов, конструировать характер и направления деятельности институтов гражданского общества и оперативно реагировать на вызовы, связанные с непредсказуемостью внешней среды, особенно в ситуациях появления дестабилизирующих факторов, которые трудно заранее прогнозировать как по направленности воздействия, так и по интенсивности и ресурсной наполненности.

Наличие такой модели взаимодействия, которую некоторые исследователи называют «патерналистской» [6], следует также рассматривать как вполне обоснованную рациональную модель, которая формировалась пусть и по инициативе власти, но при этом и при активной поддержке и одобрении широкого спектра институтов гражданского общества, различных по масштабам и направлениям своей деятельности.

Особый интерес эта модель представляет в контексте современных глобализационных процессов, происходящих практически во всех сферах политической, экономической, культурной и т. д. деятельности. Анализ глобализационной проблематики является одним из ключевых направлений научного дискурса – от философии до прикладных дисциплин. Попытки противодействия процессам глобализации являются естественной реакцией политического руководства тех государств, которые имеют большие собственные ресурсы: людские, природные, экономические, научные и т. д. Для таких государств угроза изоляции становится несоизмеримо меньшей по сравнению с угрозой потери духовно-культурной идентичности. Что касается обоснованности попыток формирования антиглобалистской стратегии, то здесь интересны выводы исследователей, которые порой тоже достаточно противоречивы между собой, о характере, динамике и поведении ключевых акторов – политических и социальных, влияющих на этот процесс. Так, в частности, Э. Гидденсом разработана интегральная теория структуризации, согласно которой приводится аргументация того, что формат функционирования современного общества обусловлен взаимосвязью формируемой в нем структуры и социальными воздействиями людей, то есть социальная рефлексия создает структуры, через которые они начинают действовать.

Значимым выводом для анализа разрабатываемых коммуникационных моделей взаимодействия власти и общества применительно к современным условиям цифровизации системы государственно-общественных отношений является то, что в работах Гидденса при рассмотрении трансформационных преобразований в современное постиндустриальное общество обосновывается тезис прерывистости социокультурной динамики и социального развития в силу уникальности формируемых в настоящее время социальных институтов. Спецификой сегодняшнего общества является не его эволюционная предопределенность, а потенциал и возможности акторов и агентов социального взаимодействия, которые способны сформировать и реализовать различные альтернативные сценарии будущего [7].

Предложенный Гидденсом тезис «демократизации демократии» дает возможность увидеть непрерывный процесс социальной самоорганизации граждан, готовность к «экспериментам» с альтернативными демократическими процедурами, которые в разных странах происходят по-разному и в первую очередь в силу исторической специфики их культурного развития, формирующего основу их идентичности.

В современных условиях с его глобальными вызовами (пандемийная

изоляция, санкционное противостояние, военная конфронтация и др.) такой взгляд на происходящие социально-политические процессы приобретает особое значение и актуальность. Так, например, политика коллективного Запада по продвижению так называемой формулы миропорядка, основанного на правилах, вошедшей в обиход после ухода с геополитической арены СССР, при рассмотрении её через тезис «демократизации демократии» вполне адекватно раскрывает сущность и мотив продвижения такой политики, направленной на закрепление монополии на представление о том, что есть демократическая модель управления государством. Установление и закрепление такой однополярной модели обеспечивает приобретение особого статуса группе государств, позволяющего контролировать ресурсы других государств для удовлетворения своих постоянно растущих потребностей и поддержания лидирующего уровня потребления.

Невозможность реализации монополии на трактовку демократии и содержания модели демократической политической системы обусловлено тем, что восприятие процессов демократических преобразований формируется как рефлексия отдельных людей, создающих новые технологии и механизмы «жизненной политики», позволяющие обеспечивать появление новых точек притяжения или социальных аттракторов для различных целевых групп, которые и становятся основой формирования институтов гражданского общества, ориентированных на потребности своего общества и, как следствие, своего государства и их самобытной гражданственности. Формируемые таким образом национально ориентированные институты гражданского общества являются носителями исторически формировавшихся культурных ценностей и показывают готовность отстаивать права и свободу их развития.

Исходя из такого понимания процесса восприятия демократии, для власти и политической элиты актуальной является реализация курса на обеспечение стабильности всей политической системы государства, основанной на более сдержанной и консервативной политике, ориентированной на сохранение традиционных ценностей, а не на инициирование своими решениями различного рода культурных экспериментов с нетрадиционными ценностями, которые естественным образом и так возникают в обществе в силу его неоднородности и постоянной изменчивости. Формирование политики, основанной на базовых для общества и государства ценностях, в глобальном геополитическом пространстве минимизирует риски, обусловленные попытками на международном уровне навязать глобальными игроками свое мнение в качестве доминирующего и проводить экспорт своих ценностей через их

навязывание другим государствам, а наоборот, консерватизм становится фактором стратегии многополярного мира, исключающего монополию и гегемонию. Такая стратегия поведения через демократизацию демократии позволяет по-новому взглянуть не только на политическую власть, но и на сами институты гражданского общества, которые в рамках этого тезиса рассматриваются как «арена, где вырабатываются демократические убеждения» и формируется «культура гражданственности» и «демократия чувств» как один из элементов прогрессивной гражданской культуры. «Когда традиции теряют силу и преобладает свободный выбор образа жизни, это не может не затронуть и ощущение человеком себя как личности. Он должен гораздо активнее, чем раньше, создавать и воссоздавать собственную идентичность» [8].

Таким образом, при определении модели будущего как необходимого условия выработки и принятия политического управленческого решения властью ориентация на консервативное большинство становится рациональным политическим выбором, ориентированным на сохранение национальной идентичности и суверенитета.

При этом следует отметить, что в данном контексте консерватизм не является инструментом жесткой фиксации системы государственно-общественных коммуникаций, так как сама модель основана на политическом многообразии представления общественных интересов, многопартийной политической системе и плюрализме.

Плюрализм мнений как технология реализации коммуникативной модели власти и общества в системе общественных отношений артикулируется через различные как политические, так и неполитические организации. При этом политические партии, имея особый правовой статус в системе государственного управления, через их представительство в представительных законодательных органах власти являются основой выработки согласованной с различными общественными группами единой государственной политики. В качестве проводников общественных интересов различных групп граждан партии могут формировать адекватную общественным запросам стратегию развития в условиях развитой многопартийной системы. При этом многопартийность, таким образом, становится фактором стабильности политической системы и фактором её легитимации. Значимость обозначенных факторов особенно отчетливо проявилась в России на этапе становления её многопартийности в середине 90-х годов. Запрос на плюрализм мнений и многопартийность на уровне регионов Российской Федерации был одним из определяющих в деятельности руководителей субъектов, которые стали инициировать создание и реализацию различных форм диалога и

взаимодействия с широкими социально активными слоями населения. В качестве таких форм можно обозначить создание общественных консультативных советов с политическими партиями и общественными объединениями, подписание договоров об общественном согласии и социальном партнёрстве и т. д. В этот период начали активно формироваться механизмы обратной связи с населением для учета общественного мнения при выработке управленческих решений.

Кроме этого, эти процессы определили дальнейшую стратегию развития Российской Федерации, которая в полной мере приобрела системный характер с начала 2000-х годов. Можно вполне обоснованно отметить, что плюрализм и многопартийность стали политическим фундаментом проведения административной реформы, основной вектор которой был устремлен на повышение эффективности системы государственного управления.

Неотъемлемым её атрибутом стало направление действий органов власти, связанное с развитием институтов гражданского общества через создание как правовой, так и финансовой основы. Принятие федеральных законов «Об Общественной палате Российской Федерации», «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», формирование законодательства субъектов Федерации о региональных общественных палатах, грантовая бюджетная поддержка общественных организаций и бюджетная поддержка политических партий, победивших в ходе выборов, окончательно закрепили политическую модель управления, основанную на плюрализме и многопартийности.

Эти управленческие действия органов власти, опирающиеся на широкую общественную поддержку, дали возможность для формирования новой коммуникационной модели представительства общественных интересов и взаимодействия с органами власти на основе формирования сетевых структур третьего (общественного) сектора, представляющих максимально широкий спектр общественных интересов.

Обозначенные в законе цели Общественной палаты по реализации общественного контроля за деятельностью органов публичной власти сформировали в обществе соответствующий высокий уровень ожиданий от результатов её деятельности и реализации задач по осуществлению эффективного взаимодействия власти и общества. Рассматривая различные механизмы обратной связи власти и общества и специфику их создания, следует понимать, что существует определенная зависимость между акторами социального взаимодействия, а формы этой зависимости обусловлены ресурсами, посредством которых эта зависимость возникает.

Проводимые социологические исследования уровня доверия к

деятельности Общественной палаты РФ с самого начала её создания фиксируют достаточно скептическое отношение граждан к результатам её деятельности, но при этом данные, например, ВЦИОМ по результатам опроса в 2019 и 2020 годах показали положительную динамику роста доверия к результатам её деятельности, что, по мнению экспертов, связано с её активностью по привлечению внимания органов власти к поддержке социально ориентированных, волонтерских НКО, которые поддерживали социально незащищенных граждан [9]. Рассматривая коммуникационные технологические каналы обратной связи власти и общества, наряду с Общественной палатой следует отметить и СМИ. При этом также можно увидеть значительный скепсис со стороны граждан к их деятельности по выражению интересов общества и значительный разброс по уровню доверия внутри СМИ. Так, по данным ВЦИОМ, на февраль 2023 года наибольшим общественным доверием в России пользуется центральное телевидение (53 %), на втором месте – региональные телеканалы (47 %). Новостным, аналитическим, официальным сайтам доверяют 35 %, центральной и региональной прессе – по 33 %, Telegram-каналам – 31 %, доверие к региональному и центральному радио – 25 % и 24 % соответственно; уровень недоверия мессенджерам (WhatsApp, Viber и др.) и социальным сетям, блогам в интернете – 35 % и 43 %, что превышает долю доверяющих им (27 % и 23 %) [10]. Исходя из этого, можно сделать косвенный вывод об определенном уровне консерватизма общества, которое в своих предпочтениях ориентировано на традиционно сложившиеся формы коммуникации. Такие общественные предпочтения также характеризуют то, что высокотехнологичные каналы коммуникации ещё не стали массовым инструментом и эффективной средой политико-коммуникативного взаимодействия власти и общества в России.

Технология коммуникации как совокупность методов и средств обмена сведениями при передаче информации является важным фактором развития «сферы публичного» [11] – того пространства взаимодействия, на котором обсуждается социально значимая повестка и разрабатываются рекомендации для власти по решению актуальных для общества проблем. Исследуя роль СМИ и её влияние на характер коммуникации власти и общества, Дж. Томпсон в своих работах приводит анализ влияния и изменения роли СМИ в современном политико-коммуникационном взаимодействии общества и власти. В частности, приводится аргументация того, что под воздействием СМИ искажается публичная сфера. Подаваемая в СМИ информация начинает восприниматься на основе стереотипов, СМИ формируют собственное поле интересов и, исходя из них,

начинают искажать общественную дискуссию и манипулировать общественным мнением. СМИ имеют мощный рычаг воздействия на политиков через инициирование и подачу различных скандальных материалов и тем самым способны поставить крест на карьере политика. Под воздействием СМИ меняется политическая культура в обществе: борьба между политическими партиями и политиками уже не носит ярко выраженного идеологического аспекта, а становится борьбой компроматов, так как скандалы, связанные с частной жизнью политиков, подрывают доверие к ним избирателей [12].

В рамках предложенной им систематизации типов взаимодействия СМИ являются опосредованным «квазивзаимодействием», которое представляет собой «разговор с телевизором». Помимо такого типа взаимодействия, выделяется взаимодействие лицом к лицу, то есть диалоговое взаимодействие, реализующее свободную общественную дискуссию и способствующее развитию сферы публичного [13].

Рассматривая реалии российского публичного пространства и одного из его доминирующих акторов – Общественную палату как коммуникационный ресурс и механизм обратной связи власти и общества – видим, что формат её функционирования можно охарактеризовать всеми этими типами взаимодействия. При этом диалоговый формат является базовым, и именно через него и начинается выстраиваться взаимодействие. Формат опосредованного взаимодействия, реализуемый через декларирование определенной предварительно выработанной в диалоговом режиме позиции, тоже присутствует, но он носит вторичный характер и не преследует цель манипулирования общественным сознанием.

Рассматривая роль СМИ как коммуникационной технологии между властью и обществом, можно привести результаты исследования Герберта Шиллера, который отметил возможность влияния государственных органов США на глобальную мировую информационную повестку посредством зависимости американских СМИ, находящихся под влиянием федеральных органов власти, в частности оборонного ведомства США. Под влиянием США и ряда индустриально развитых стран сформировался мировой информационный порядок, в рамках осуществления которого развивающиеся страны, по мнению исследователей, подвергаются новой форме медиаимпериализма [14]. Тем самым, исходя из сделанных им выводов, происходит создание и глобальное распространение новой тотальной корпоративной информационно-культурной среды, которая разрушает местные способы культурного выражения [15].

Технологические изменения приводят к тому, что СМИ как

коммуникационный канал взаимодействия власти и общества постоянно меняются и, с одной стороны, оказывают негативное воздействие и разваливают «сферу публичного», подменяя диалог квазивзаимодействием, а с другой стороны, меняется само диалоговое пространство, так как технологии формируют новую цифровую среду ведения диалога, в которой повышается коммуникационный ресурс отдельного индивида и его значимость. Лидеры общественного мнения, тиктокеры, ютуберы и т. д. получают всё больше технологических возможностей влияния на формирование общественного мнения.

Воздействие цифровизации на систему общественных отношений заключается в том, что она, с одной стороны, формирует хаос коммуникационных идентичностей, возникают социальные бифуркации как результат накапливаемых противоречий и появления кризисов состояния общественных отношений, в котором перестают работать прежние связи, обеспечивавшие стабильность системы, а с другой стороны, формируется среда, в которой появляются социальные аттракторы, обеспечивающие запуск механизмов самоорганизации, усиливается роль субъекта социального взаимодействия в выборе пути развития и влияния на направления изменений современного общества и конструирования социальной реальности [16].

Усиление роли субъекта социального взаимодействия происходит в силу предоставляемых цифровой средой технологических коммуникационных возможностей влиять на социально-экономические и политические процессы и ход развития общественных отношений в системе государства и общества при прохождении точек бифуркации и инициировании событий, после которых вектор развития системы меняет свое направление.

Особенности политической культуры в России и иерархия ценностей

Исследование ценностного содержания массового сознания российского социума и выявление политических ценностей различных социальных групп является важным исследовательским дискурсом для понимания сложившейся системы взаимодействия власти и общества. Исследования российских политологов, занимающихся этой проблемой, показывают наличие ценностной рассогласованности между разными уровнями существования политических ценностей – уровнем производителей ценностей и смыслов (политические партии, элита в целом) и уровнем потребителей ценностно-идеологических продуктов (рядовые граждане), при этом в качестве наиболее значимой отмечается потребность в безопасности [17].

Ценностные основания, проявляющие самоорганизацию субъектов социальных отношений, формируют и соответствующую культуру коммуникации, которая является и продуктом этого взаимодействия, и фактором, обуславливающим данное взаимодействие. Причем технология формирования механизма взаимодействия, связывающего между собой культурные стандарты и конкретные системы действия в их мотивационном аспекте, составляет одну из наиболее важных проблем. Равновесное состояние социальной системы обеспечивает культура как структурный элемент с её символической средой, которая направляет действия социальных акторов, помогает им в определении целей и средств их достижения [18, с. 81].

Таким образом, коммуникативная культура проявляется как совокупность знаний законов межличностного общения, умений и навыков пользования его средствами в различных жизненных и производственных ситуациях и личностных коммуникативных качеств и часть базовой культуры личности, обеспечивающая ее готовность к жизненному самоопределению, установлению гармоничных отношений с окружающей действительностью и внутри себя.

Развитие технологий формирует новые способы освоения реальности, широкий спектр агентов культурной трансформации и новые деятельностные контексты в виде неявных правил, норм, коллективных ожиданий и т. д., которые, в свою очередь, формируют идентичности участников взаимодействия. Агенты культурной трансформации, к которым относятся государственные и муниципальные служащие, представители гражданского общества и другие, являются носителями своей специфической идентичности.

Технологию и культуру коммуникации органов власти в публичном пространстве, таким образом, следует рассматривать как взаимодополняющие элементы, которые, находясь во взаимодействии, способны определять характер и направление этого взаимодействия в виде нейтрального, регрессивного или прогрессивного типа с точки зрения эффекта от взаимодействия. Этот тип взаимодействия во многом будет зависеть от совпадения целеполагания, для которого создаются технологии, и формируемой культуры их использования. То есть усвоение новых технологий формирует новую культуру отношений, а новая культура отношений создает новые возможности для совершенствования технологий.

В этом плане показателен пример развития взаимодействия между органами власти и институтами гражданского общества в России с середины 90-х по настоящее время – от первых общественно-

консультативных советов и общественных палат при органах власти до самостоятельных экспертных общественных институтов, реализующих функции общественного контроля за органами власти всех уровней на основе принятых федеральных и региональных законов. Сформированные законодательные возможности позволяют институтам гражданского общества стать активными субъектами управленческого процесса в различных социально значимых сферах.

Рассматривая культурную специфику взаимодействия, отметим, что она в качестве основных факторов может включать такие отношения и ценности обеих сторон, как уровень их доверия и готовность участвовать в диалоге. Помимо этого, культурная специфика будет определяться правовой и нормативной базой, на основе которой развиваются эти взаимодействия. Более того, они способны формировать вектор и определять характер взаимодействия. Многие государства вводят юридические ограничения на деятельность организаций гражданского общества или ограничения на то, как правительство может взаимодействовать с ними. В частности, статус иностранного агента ограничивает для граждан и общественных организаций возможности влиять на избирательный процесс (ст. 11 Федерального закона от 14.07.2022 № 255-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием») [19]. В США механизмом ограничения влияния на политические процессы в государстве извне является Закон о регистрации иностранных агентов (Foreign Agents Registration Act, FARA), принятый в 1938 году [20].

Рассматривая направленность и характер взаимодействия, отметим, что взаимоотношения между государственными органами и институтами гражданского общества имеют решающее значение для функционирования демократических обществ. Органы публичной власти и институты гражданского общества в рамках прогрессистской модели взаимодействия должны работать вместе на принципах конструктивного сотрудничества, для того чтобы удовлетворять потребности граждан, обеспечивать их благосостояние и способствовать социальному и экономическому развитию. Формирование этих принципов и их реализация в жизнь является сложной технологической задачей, требующей принятия компромиссных политических решений, успех реализации которых находится под влиянием различных культурных и технологических факторов.

Выявление базовых элементов в системе взаимодействия власти и общества может выступать фактором для понимания всей структуры этого взаимодействия и моделирования и прогнозирования динамики

развития системы. Это становится особенно актуальным в современных условиях цифровизации государственно-общественных отношений, в основе которой лежит всестороннее использование инструментария информационно-коммуникационных технологий субъектами государственно-общественных отношений.

Отношения между государством и обществом являются сложным и многогранным явлением, которое является предметом изучения политологов и социологов в достаточно широком временном диапазоне. На сегодня сформированы различные теоретико-методологические подходы и модели, описывающие характер этого взаимодействия [21]. В качестве одного из перспективных исследовательских направлений можно рассматривать методологию анализа специфики формируемых закономерностей взаимодействия общества и власти на основе выявления фрактальной природы этого взаимодействия. Фрактальный метод как способ визуализации внутренней природы взаимодействия наиболее наглядно представлен в исследованиях Мандельброта как совокупность взаимоподобных элементов, на основе которых формируются геометрические формы, повторяющиеся в разных масштабах [22].

Таким образом, фрактал – сложная система, которая может быть разделена на меньшие копии самой себя, причем каждая копия напоминает исходную форму. В рамках этого подхода взаимодействие и формируемые отношения между государством и обществом можно рассматривать как фрактальную форму, где сходные паттерны взаимодействия и элементы порядка в динамике властно-общественных отношений повторяются на разных уровнях.

На самом базовом уровне государство осуществляет регулирующую функцию в обществе посредством своей способности издавать законы и обеспечивать их соблюдение. Эта динамическая составляющая реализации власти государством отражается в повседневных рутинных взаимодействиях между отдельными гражданами и отдельными государственными служащими, а также в более крупных политических структурах и институтах, которые формируют общество: политических партиях, общественных организациях, органах власти различных ветвей и уровней.

В дополнение к структуре взаимодействия в рамках реализации властно-управленческих полномочий государство и общество также взаимодействуют и рядом других способов, таких как экономический обмен, социальные и культурные взаимодействия, а также предоставление общественных товаров и услуг. Эти взаимодействия тоже

отражают фрактальные паттерны, причем сходная динамика повторяется на разных уровнях и в разных контекстах.

Например, государство предоставляет обществу общественные товары и услуги, такие как образование и здравоохранение, в обмен на налоги и другие формы доходов. Эту взаимосвязь также можно увидеть на уровне отдельных граждан, которые могут обменивать свой труд и ресурсы на заработную плату и льготы от частных компаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках применения данной исследовательской методологии можно обозначить отношения между государством и обществом как фрактал, где сходные паттерны и динамики взаимодействия власти и общества повторяются на разных уровнях. Такая перспектива позволяет увидеть сложную и многогранную природу взаимоотношений государства и общества и множество способов, которыми они формируют нашу жизнь и окружающий нас мир.

Рассматривая коммуникативную культуру – технологию – целеполагание как элементы порядка, определяющего контуры фрактала, отметим, что совпадение целеполагания акторов взаимодействия становится фактором формирования фрактальной устойчивости, стабильности и динамичного развития системы, а разрыв целеполагания приводит к распаду системы. Исходя из этого, в качестве элементов системы оценки эффективности реализуемых моделей коммуникационного взаимодействия власти и общества можно обозначить процедуру анализа механизма принятия решений, процедуру формирования и организационные принципы реализации взаимодействия, наличие каналов влияния и иерархии отношений.

Рассмотрение культурных и технологических особенностей взаимодействия между государственными органами и институтами гражданского общества в современных условиях цифровой трансформации государственно-общественных отношений как элементов подобия формируемой фрактальной структуры актуализирует необходимость детального описания и выявления широкого спектра применяемых на практике средств коммуникации, включающих использование социальных сетей, онлайн-платформ и других цифровых инструментов, которые формируют современную картину взаимодействия, основанную на упрощении для граждан доступа к органам власти и изменении их роли в системе государственного управления на основе сотрудничества, превращая их из объекта в субъект управления, в частности, через возможность реализовывать контрольную функцию и принимать экспертное участие в выработке управленческих решений.

Библиография / References:

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. – М.: Мысль, 2014. 500 с.
2. Кузьмин Д.А. Политико-коммуникативное взаимодействие власти и общества в современной России: состояние, проблемы и принципы формирования // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. № 1290 «О реестре социально ориентированных некоммерческих организаций» – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202108020026> (дата обращения 15.01.2023).
4. Евстифеев Р.В., Брянцев И.И., Козлова Н.Н., Сунгуров А.Ю. Общественные палаты в субъектах РФ: между медиацией и имитацией. Коллективная монография/ под ред. А.Ю. Сунгурова, - СПб.: Алетейя, 2020. – 252 с.
5. Брянцев И.И., Брянцева О.В. Правовое регулирование общественных отношений в условиях цифровизации: институты и институциональная среда // Вестник Поволжского института управления. 2021. Т. 21. № 2. С. 56-64.
6. Сунгуров А. Ю. Модели взаимодействия структур гражданского общества и органов власти: российский опыт // Модернизация экономики и глобализация: В 3 кн. /Отв. ред. Е.Г.Ясин. Кн. 1. М.: Изд.дом ГУ-ВШЭ, 2009, с. 500-508.
7. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005. — 528 с.
8. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М.: Издательство «Весь Мир», 2004. 120 с.
9. Россияне стали больше доверять Общественной палате и СПЧ. – URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/press/rossiyane_stali_bolshe_doveryat_obshchestvennoy_palate_i_spch/ (дата обращения 15.01.2023).
10. Доверие СМИ в России. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii> (дата обращения 15.01.2023).
11. Habermas, J. The Structural Transformation of Public Sphere. An Inquiry into Category of Bourgeois Society. Polity Press. 1989.
12. Томпсон Д. Новая видимость. Thompson J. The new visibility // theory, culture and society. - Cleveland, 2005. - Vol. 22, – №6. - P. 31-51

13. Thompson J. B. *The Media and Modernity*. Polity, 1996.
14. Гидденс Энтони *Социология* / При участии К. Бердсолл: Пер. с англ. Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. — 632 с.
15. Schiller H. *Mass Communications and American Empire*. 2nd ed. New York: Westview Press, 1992. 214 p.
16. Музыка, О. А. Линейная (классическая) и нелинейная (постне-классическая) концепции социально-исторического процесса: сравнительный анализ / О. А. Музыка, Д. В. Ковтунова // *Фундаментальные исследования. Раздел Философские науки*. – 2012. – № 11. – Ч. 1. – С. 192–196.
17. Селезнева А. В. Политические ценности в современном российском массовом сознании: психологический анализ // *Человек. Сообщество. Управление*. – 2014. – №2. – С. 6-18
18. Парсонс Т. *О социальных системах*/ Под ред* В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.
- 19 Федеральный закон от 14.07.2022 N 255-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием»– URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421788/ (дата обращения 15.01.2023).
- 20 Foreign Agents Registration Act, FARA– URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara> (дата обращения 15.01.2023).
21. Бородкин Л. И. *Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических процессах* // *Международные процессы*. 2005. № 1.
22. Mandelbrot, B. B. *Fractals: Form, Chance, and Dimension*. San Francisco CA and Reading UK: W. H. Freeman & Co, 1977.

1. Almond, G., Verba, S. (2022) *Grazhdanskaja kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratija v pjati stranah* [Civic culture: political attitudes and democracy in five countries] / per. s angl. E. Gendelja. M.: Mysl', 500 p. (In Russ.)
2. Kuz'min, D.A. (2015) *Politiko-kommunikativnoe vzaimodejstvie vlasti i obshhestva v sovremennoj Rossii: sostojanie, problemy i principy formirovanija* [Political and communicative interaction of power and society in modern Russia: state, problems and principles of formation] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern problems of science and education].– № 1-1. (In Russ.)
3. Evstifeev, R.V., Brjancev, I.I., Kozlova, N.N., Sungurov, A.Ju. (2020)

Obshhestvennye palaty v sub#ektah RF: mezhdru mediaciej i imitaciej. Kollektivnaja monografija [Public chambers in the constituent entities of the Russian Federation: between mediation and imitation. Collective monograph] / pod red. A.Ju. Sungurova, - SPb.: Aletejja. – 252 p. (In Russ.)

4. Brjancev, I.I., Brjanceva, O.V. (2021) Pravovoe regulirovanie obshhestvennyh otnoshenij v uslovijah cifrovizacii: instituty i institucional'naja sreda [Legal regulation of public relations in the context of digitalization: institutions and institutional environment] // Vestnik Povolzhskogo instituta upravlenija [Journal of the Volga Institute of Management]. Vol. 21. – № 2. – P. 56– 64. (In Russ.)

5. Sungurov, A. Ju. (2009) Modeli vzaimodejstvija struktur grazhdanskogo obshhestva i organov vlasti: rossijskij opyt [Models of interaction between civil society structures and authorities: Russian experience] // Modernizacija jekonomiki i globalizacija: V 3 kn. [Modernization of the economy and globalization: In 3 books.] /Otv. red. E.G.Jasin. Kn. 1. M.: Izd.dom GU-VShJe, p. 500-508. (In Russ.)

6. Giddens, Je. (2005) Ustroenie obshhestva: Oчерk teorii strukturacii. [Organization of Society: An Essay on the Theory of Structuration]. 2-e izd. M.: Akademicheskij Proekt — 528 p. (In Russ.)

7. Giddens, Je. (2004) Uskol'zajushhij mir: kak globalizacija menjaet nashu zhizn' [An elusive world: how globalization is changing our lives] / Per. s angl. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir» , 120 p. (In Russ.)

8. Rossijane stali bol'she doverjat' Obshhestvennoj palate i SPCh [Russians began to trust the Public Chamber and the HRC] – URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/press/rossijane_stali_bolshe_doveryat_obshchestvennoj_palate_i_spch/ (In Russ.)

9. Doverie SMI v Rossii [Media trust in Russia] – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii> (In Russ.)

10. Muzyka, O. A., Kovtunova, D. V. (2012) Linejnaja (klassicheskaja) i nelinejnaja (postneklassicheskaja) koncepcii social'no-istoricheskogo processa: sravnitel'nyj analiz [Linear (classical) and non-linear (post-non-classical) concepts of the socio-historical process: a comparative analysis] / O. A. Muzyka, D. V. Kovtunova // Fundamental'nye issledovanija. Razdel Filosofskie nauki [Basic research. Section Philosophical sciences]. –№ 11. – Ch. 1. – p. 192–196. (In Russ.)

11. Selezneva, A. V. (2014) Politicheskie cennosti v sovremennom rossijskom massovom soznanii: psihologicheskij analiz [Political values in modern Russian mass consciousness: a psychological analysis] // Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie. – №2. – P. 6-18 (In Russ.)

12. Parsons, T.(2002) O social'nyh sistemah [About social systems] / Pod red* V. F. Chesnokovoj i S. A. Belanovskogo. M.: Akademicheskij Proekt, 832 p. (In Russ.)

13. Borodkin, L. I. (2005) Metodologija analiza neustojchivyh sostojanij v politiko-istoricheskikh processah [Methodology for the analysis of unstable states in political-historical processes] // Mezhdunarodnye process. – № 1. (In Russ.)